

А.М. Черныш

К.Н. Леонтьев как теоретик национальной русской самобытности

В статье анализируются взгляды видного отечественного мыслителя консервативного направления второй половины XIX века К.Н. Леонтьева на русский народ, его качества и свойства, взаимоотношения русских с другими народами.

Ключевые слова: история русской философии; К.Н. Леонтьев; консерватизм; русский народ; характер русского народа; русская культура.

В январе 2016 года мы отметим 185-ю годовщину со дня рождения яркого русского мыслителя консервативной направленности *Константина Николаевича Леонтьева* (1831–1891). Надо отметить, что «настоящее открытие» его творчества произошло уже после смерти мыслителя, в эпоху Серебряного века. Как оказалось, он в своих трудах во многом предвосхитил хаос в умонастроениях российской интеллигенции начала XX века, поскольку именно самосознание русских людей, их отношение к другим народам, формирование государственной политики по вопросам духовно-нравственного развития стали главными объектами творческого наследия этого мыслителя. Именно тогда Леонтьева окрестили «русским Ницше», а В.В. Розанов назвал его величайшим мыслителем России XIX века, который в истории русской мысли стоит как «угрюмая вечная скала» [11: с. 350]. «Не знаю, лестно или нет было бы для самого К. Леонтьева такое сближение, — писал прот. И. Фудель в 1910 г., — но думаю, что ему, смиренному послушнику оптинских старцев, и не снилось, что когда-либо в нем найдут тождество с ярим антихристианином Ницше» [13: с. 250]. Сам себя К.Н. Леонтьев, в одном из писем к В.В. Розанову, назвал одиноким пророком, «гласом вопиющего в пустыне» [8: с. 157].

В советское время наследие русских консерваторов, в том числе и Леонтьева, по идеологическим причинам не исследовалось, и при упоминании они оставались в тени идей представителей других течений русской общественной мысли — славянофилов, западников, народников, революционных демократов, марксистов.

Сегодня, когда наследие К.Н. Леонтьева стало доступно, мы видим, что осмысление им проблем России оказалось во многом актуальнее, глубже и точнее, чем у представителей других общественных течений второй половины XIX века. В лице Леонтьева рассмотрение свойств и качеств русского народа было поднято на несравненно большую теоретическую высоту, чем это могли сделать его предшественники. Оригинальность и актуальность его

работ заключена во внимательном и тщательном анализе проблем русского народа и его характера. Он размышляет о проблемах взаимоотношения России с западными и восточными соседями, выступает сторонником сильной российской государственности, отстаивает право России и русского народа на самостоятельное и самобытное развитие.

Удивительным образом оказалось, что идеи Леонтьева и через сто с лишним лет не потеряли своей остроты и актуальности — они созвучны тем процессам, которые идут в современной России: он выступил с критикой так называемого либерального прогресса, видя в нем опасность для развития национального своеобразия, национального духа.

К.Н. Леонтьева зачастую причисляют к «поздним славянофилам» на основании его антизападничества, критики европеизма, защиты русской национальной самобытности и т.п. Влияние романтических славянофильских идей на творчество Леонтьева несомненно, но в понимании и анализе самосознания русского народа, мировых цивилизационных процессов он был гораздо глубже и радикальнее славянофилов. На его взгляды большое влияние оказало творчество Н.Я. Данилевского. Сам Леонтьев указывал, что он продолжает и развивает идеи Данилевского о «культурных типах» [4: с. 230].

Последние три десятилетия российская общественность открывает идеи Леонтьева как бы заново, чему способствует переосмысление итогов либеральных реформ в России, горячим противником которых он был.

К.Н. Леонтьев ратовал за крепкую русскую монархическую государственность, за жизнь в России в самобытных национальных формах, за христианство византийского типа. Его главный научно-прогностический посыл состоял в том, что Россия может обрести свою блестящую будущность только противостоя либерально-демократическим европейским процессам и держась на почтительном расстоянии от уже растрепанного либерализмом балканского «славянства». Эта будущность, по мысли Леонтьева, будет зависеть от того, что восторжествует, — византийское начало или западноевропейский «эгалитарный процесс». И оказалось, что только сегодня пришло время до конца осмыслить его философское наследие.

К.Н. Леонтьев выработал свои оригинальные представления о национальных движениях и национальной политике, став теоретиком особой разновидности национализма — «культурного».

Национальное, по мысли К.Н. Леонтьева, есть синоним культурного; проявление национального — всегда культурное явление, и наоборот — культурное всегда имеет свою национальную принадлежность. Нации и государства — организмы особого порядка, «они суть идеи, воплощенные в известный общественный строй» [7: с. 106]. Нация для Леонтьева — «физическое представление», географически соотнесенная общность индивидов, говорящих на одном языке. Нация в его представлении — совокупность «идеального» и «физиологического».

Леонтьев призывал разграничивать понятия «нация» и «национальное». «Национальное» — понятие более отвлеченное; это качество нации, совокупность

признаков, которые более или менее свойственны всем людям, составляющим нацию. Национальное, по К. Леонтьеву, — совокупность объективных, приобретенных в результате исторического развития культурных признаков. Главным из этих признаков Леонтьев полагал религиозные отличия. Бытовые отличия в жизни народов, по его мысли, не такие уж и внешние, и имеют глубокое психическое значение [5: с. 824–825]. Чем резче культурные признаки той или иной нации, тем больше, по мнению К. Леонтьева, в ней «национальности», под которыми он понимает особенности, своеобразия, «оригинальности», приобретенные в ходе исторического развития [5: с. 828–829].

Культурная самобытность — духовная, умственная, бытовая — для К. Леонтьева есть основа национальной отличительности. Истинное бытие нации, ее душа, условия самосохранения и самовоспроизводства — самобытная культура [9: с. 316–326]. Национальный идеал для Леонтьева — духовно-культурная самобытность, сохранение наличной культурной самобытности и создание новых самобытных форм культуры. «Дисциплина национальных нравов» для Леонтьева привлекательнее общечеловеческой нравственности [3: с. 415].

Сущностная характеристика национального характера («национальных основ») заключена, по мысли Леонтьева, в метафизической природе, которая воздействует на ход исторического развития, преломляется в социальной среде, воплощаясь в культурных явлениях [10: с. 746]. Основами русского национального характера Леонтьев считает религиозное начало (Православие), начало государственно-политическое (самодержавие), а также крепостное право и поземельный мир (общину). Религия, по его мнению, — «главное обособляющее начало» любого народа. В иерархии общественной жизни Леонтьев отводил ей высший уровень. «Религия, преобладающая в каком-нибудь народе, — вот краеугольный камень охранения прочного и действительного. Когда веришь, тогда знаешь, во имя чего стесняешься и для чего... переносишь лишения и страдания» [3: с. 413]. В другом месте Леонтьев пишет, что национальное начало, лишенное особых религиозных оттенков, есть обман [4: с. 434].

Спустя несколько десятилетий другой отечественный философ — Ф.А. Степун — высказал те же мысли, указав, что духовные различия между нациями «сводимы в последнем счете к качественным особенностям религиозных переживаний отдельных народов» [12: с. 466]. Пока религия жива, подчеркивал Леонтьев, все еще можно изменить и спасти, ибо у нее есть на все утешение и ответы [3: с. 417].

К.Н. Леонтьев верил в силы и творческие возможности русского народа, которого он называл «великим и чудным океаном» [2: с. 79]. Русские, в представлении Леонтьева, разнохарактерные, своеобразные; они не похожи на другие народы, включая родственные славянские. «Великоросс может все, что может другой славянин; но он, сверх того, способен на многое, на что ни другой славянин, ни грек или француз, и др. европейцы не способны!» [2: с. 81].

В характере русского человека, пишет Леонтьева, есть нечто неуловимое и необъяснимое, нечто крайне сложное. Великоросса отличает и пламенная

религиозность, и женолюбие, и склонность к кутежу [2: с. 77]. Русский мужик, отмечает Леонтьев, очень развит, он «умен, тонок, предприимчив; в нем много поэтического и музыкального чувства; местами он неопрытен, но местами очень чист и всегда молодец. Он умеет изворачиваться в таких обстоятельствах, в которых растеряются грамотные, но тупые французские или немецкие поселяне» [2: с. 81]. Если и приравнивать к чему-нибудь западному оригинальный дух русского народа, замечает К. Леонтьев, то его скорее можно назвать мирным, умеренным и монархическим социалистом, чем либералом. И вследствие этого он не имеет в себе ничего революционного и разрушительного [3: с. 470]. В одном из писем В.В. Розанову Леонтьев указывает, что пороки русского народа очень большие и «требуют большей, чем у других народов, власти церковной и политической. То есть наибольшей меры легализованного внешнего насилия и внутреннего действия страха согрешить. А куда нам “любовь”! Народ же, выносящий и страх Божий, и насилие, есть народ будущего ввиду общего безначалия...» [8: с. 134]. Особую форму для обуздания русской народной стихии, «русских пороков» Леонтьев видел в государстве. Для него нет сомнения в том, что русский народ авторитарен и ему важен авторитет власти и властных структур в целом и самодержавия в частности. Смесь страха и любви в сердцах — вот что, по мнению Леонтьева, созидает нации, объединяет их, ведет к славе и победам, в то время как развитие «демократического индивидуализма» способствует их падению [3: с. 409].

Леонтьев ценил в простом русском народе его «государственный такт». Этого такта, по его мнению, как раз недостает русской интеллигенции, развращенной европейскими предрассудками, оппозиционным ухарством и либеральным фразерством [3: с. 420]. Леонтьев страстно выступал против европейского либерального индивидуализма, считая это путем в никуда. Чем свободнее личность, тем она пустее, подчеркивал философ. Он считал, что либерализм в России — это роковое заблуждение. Истина, по Леонтьеву, не «в правах и свободах», а совсем в другом. В то же время, по мнению Леонтьева, государственное начало в России осталось прежним и крепким — самобытным свободно-общинным.

Духовность, религия, культура — вот главные элементы государственного организма, по Леонтьеву. Культура в его понимании — продукт и ядро государственной жизни. Культура в его понимании — сложная система идей, которая вырабатывается всей жизнью нации [1: с. 227].

Время от времени у нас возникают дискуссии о том, как русским явлениям стать явлениями мирового значения. У Леонтьева на это есть простой «рецепт»: только тогда то или иное национальное явление приобретет мировое значение, когда будет полно отражать национальное своеобразие и национальный характер [3: с. 432].

У Леонтьева была своя точка зрения на просвещение народа, которую он высказал в статье «Грамотность и народность». Леонтьев считал, что грамотность

не может быть целью — она есть лишь средство [2: с. 76]. Поспешные шаги в деле распространения грамотности, осуществленные по европейским рецептам, считал Леонтьев, способны погубить лицо России и оказать разрушительное воздействие на культурно-исторические устои народа. Соглашаясь с тем, что русский народ безграмотен, Леонтьев полагает, что это наше счастье, а не горе [2: с. 58]. На первый взгляд вывод кажется странным и парадоксальным. Философ так разъясняет свою позицию: безграмотный народ, по его мнению, более хранитель «народной физиономии», без которой не будет своеобразной цивилизации. Безграмотный народ, по Леонтьеву, лучше и полнее сохранил народный дух, основы народной жизни. Леонтьев боится, что поспешное и обязательное обучение русского народа космополитической интеллигенцией, оторвавшейся от народных корней, ни к чему хорошему привести не может. «Надобно, чтобы образованная часть русского народа (так называемое общество) приступила бы к просвещению необразованной части его только тогда, когда она сама (т. е. образованная часть) будет зреее. Обязательная грамотность у нас тогда только принесет хорошие плоды, когда помещики, чиновники, учителя, т. е. люди англо-французского воспитания, сделаются все еще гораздо более славянофилами, нежели они сделались под влиянием нигилизма, польского мятежа и европейской злобы» [2: с. 73–74]. Разумеется, подобная точка зрения не бесспорна и вызывает вполне резонную критику. Но отметим, что отчасти на такие выводы К. Леонтьева наводили факты, которые он наблюдал на славянских Балканах, когда образованные болгары и сербы «отрывались» от народных оснований жизни, перенимая европейские традиции, ценности, поведение, одежду и т. п. Европейское просвещение на Балканах, с точки зрения Леонтьева, было проводником «буржуазности» в самобытную народную массу, что разрушало балканскую самобытность. Такие же опасения были у Леонтьева и за Россию — народное образование на европейских началах будет служить обуржуазиванию страны и станет угрозой национальной «физиономии».

Как и Н.Я. Данилевский, Леонтьев к принципиальному свойству и качеству характера русского народа относит его миролюбие; он полагал, что Россия миролюбивее всех других держав: она миролюбива «вследствие широты своей, и вещественной, и духовной. Эта широта есть ее исторический *fatum*» [7: с. 106–107]. С другой стороны, согласно Леонтьеву, у России особая политическая судьба, поскольку ее интересы носят нравственный характер поддержки слабейшего, угнетенного [7: с. 100].

К. Леонтьев провозглашает византизм единственно возможным условием сохранения национальной самобытности России и русского национального характера. Византизм в его понимании «есть прежде всего особого рода образованность или культура, имеющая свои отличительные признаки, свои общие, ясные, резкие, понятийные начала и свои определенные в истории последствия... Отвлеченная идея византизма крайне ясна и понятна. Эта общая идея слагается из нескольких частных идей: религиозных, государственных, нравственных, философских и художественных» [1: с. 127].

Леонтьев имел свою точку зрения на европеизацию России, считая этот процесс весьма противоречивым и негативным для развития национального самосознания, национального духа русского народа. Он считал, что со времени Петра I в жизнь России было привнесено слишком много европейского. История России последних двух веков, по мнению Леонтьева, была подражательной [3: с. 446]. Дело дошло даже до того, сетовал философ, что даже славяне — наши единоверцы и единоплеменники — ценят русских настолько, насколько мы европейцы: «...им и в голову не приходит ценить в нас то, что в нас собственно русское» [2: с. 56]. В связи с этим К. Леонтьев критиковал утопичность тютчевского панславизма и чисто славянский подход собирания и развития империи. Он считал, что греки и часть мусульман гораздо ближе к нам, чем даже болгары, сербы, а тем более чехи, словаки и поляки. В этом Леонтьев видел несовершенство и ошибочность панславизма.

Уже в XIX веке Леонтьев переживал, что из жизни России уходит национальный дух, национальный колорит, национальные костюмы, традиции, утварь и т. п., которые можно увидеть лишь на выставках. Он не понимал и не принимал тенденции заменять русское национальное западноевропейским. Он ратовал за сохранение, изучение и пропаганду «самобытных национальных вкусов у славян». «От развития народного вкуса в высшем русском обществе, которое везде славится тонкостью своего общечеловеческого вкуса, зависит будущность не только русской, но, вероятно, и всей славянской промышленности» [2: с. 70].

Национальный характер для Леонтьева есть синоним национальной культуры. Здесь для него очевидна строгая взаимозависимость — оригинальная национальная культура может существовать и развиваться только через оригинальные национальные формы. Леонтьев подчеркивает, что только тот народ, который свое национальное доводит до высших пределов развития, только тот народ наилучше служит всемирной цивилизации [2: с. 72–73]. Пафос практически всех трудов Леонтьева направлен на спасение национальной культуры, то есть на спасение коренных черт русского национального характера. Национальное своеобразие и национальная культура во всем ее многоцветии для Леонтьева дороже всех научных истин.

Самое дорогое, что сохранилось у русских, — это их национальное своеобразие, считал Леонтьев; без него невозможно быть большим, огромным государством. Он также считал национальное своеобразие важнее и ценнее нравственности и науки, так как именно оно «всего легко может уйти у славян в XIX веке!» [2: с. 76].

Разумеется, Леонтьев не был противником всего западного, европейского. Он призывал к гармоническому сочетанию того и другого: принимая европейское, считал Леонтьев, надо его перерабатывать в себе так, как пчела перерабатывает сок цветов. Надо дорожить своим своеобразием, призывал Леонтьев, а «не обращаться с ним торопливо, дабы не погубить своей исторической

физиономии, не утратить исторических прав на жизнь и духовный перевес над другими» [2: с. 82]. Самобытное культурное творчество народа Леонтьев рассматривал как основу его жизненных сил, гарантирующих крепость и единство государства.

Свои надежды он связывал прежде всего с Россией и Востоком, так как считал, что только там еще сохранилась живая духовная традиция. Он любил Россию за то, что она была хранительницей традиции. Тем не менее черты «гниения» Леонтьев видел уже в самой «официальной» России и предчувствовал приближение катастрофы, и именно в этом контексте своих рассуждений К. Леонтьев для борьбы с процессами гниения и предлагал «подморозить» Россию.

Незадолго до смерти, обозревая плоды современных ему реформ, Леонтьев с горечью заметил, что европеизм и либерализм расшатали устои российской жизни: в умах царит смута; в чувствах — усталость и растерянность; воля ослабела, идеалы неясны; народ пьян, лжив, нечестен; чиновники робки; духовенство нерешительно. Если этот негативный процесс не остановится, то, предсказывал Леонтьев, через каких-нибудь полвека русские из народа «богоносца», сами того не замечая, превратятся в «народ-богоборец» [6: с. 234]. История показала, что прогноз К.Н. Леонтьева сбылся еще раньше.

В работе «Византизм и славянство» К. Леонтьев выделил в истории западной цивилизации три фазы: юность — «первичная, первоначальная простота», период раннего Средневековья, варварских королевств, выросших на развалинах Римской империи; зрелость — «цветущая сложность», — которая пришлась на XV–XVII столетия, когда были разбужены титанические силы, и традиционные устои жизни боролись с неотвратимым наступлением нового мироустройства; и XIX век — фаза «вторичного смесительного упрощения» — явные признаки старости и симптомы грядущего распада. Российская цивилизация моложе, но кончина ее тоже не за горами, указывал Леонтьев. Для него эпоха, в которой он жил, ассоциировалась с глобальным цивилизационным «ненастьем». Предсказания Леонтьева по большей части оказались правильными: «ненастье» XIX столетия вылилось в бурные и трагические катаклизмы XX века — революции, войны, перевороты, социальные эксперименты...

Анализ взглядов К. Леонтьева на культурно-исторические типы, изучение найденной им оригинальной методологии рассмотрения качеств и свойств характера русского народа имеет важное значение для современного социально-философского знания. Идеи, высказанные Н.Я. Данилевским и К. Леонтьевым, актуальны и в наши дни. Удивительным образом размышления русских мыслителей совпали не только с проблемами в развитии России, но и с мировыми гуманитарными процессами XX–XXI веков.

Нам и сегодня может не импонировать позитивный и творческий настрой рассуждений Леонтьева о человеке и обществе, о России и русском национальном характере, об укреплении духовных основ жизни русского народа.

Пугавший современников леонтьевский консерватизм, его «антипрогрессизм» и антилиберализм сегодня, после катастрофических экспериментов 90-х гг. XX века, уже не воспринимаются как нечто страшное и косное. Более того, трагическая история России в XX веке подтвердила наихудшие опасения К.Н. Леонтьева. Пророческими становятся его слова о том, что России нужна внутренняя сила, крепость организации, крепость духа дисциплины [1: с. 226]. Пророческими можно сегодня считать слова Леонтьева о том, что теперь в России настало время мужества [3: с. 450].

Сегодня много пишут и говорят об усилившейся общественно-политической борьбе между либералами, патриотами, государственниками и пр. В России второй половины XIX века эта борьба была не менее острой. И в ней у Леонтьева было одно главное оружие — любовь к России, вера в ее здоровые духовные корни. Это же стало и главным смыслом его трудов и размышлений.

Сегодня, когда русский народ стоит перед лицом агрессивной либеральной бездуховности, идеи К.Н. Леонтьева о сплочении нации, об укреплении духа народа должны быть адекватно восприняты в российском обществе.

Литература

1. *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. М.: Эксмо, 2007. 892 с.
2. *Леонтьев К.Н.* Грамотность и народность // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. М.: Эксмо, 2007.
3. *Леонтьев К.Н.* Из «Варшавского дневника» // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. М.: Эксмо, 2007.
4. *Леонтьев К.Н.* Из писем А.А. Александрову // ...Из русской думы. Т. 1. М.: Роман-газета, 1995. 256 с.
5. *Леонтьев К.Н.* Культурный идеал и племенная политика. Письма г-ну Астафьеву // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. М.: Эксмо, 2007.
6. *Леонтьев К.Н.* Над могилой Пазухина //...Из русской думы. Т. 1. М.: Роман-газета, 1995. 256 с.
7. *Леонтьев К.Н.* Панславизм и греки // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. М.: Эксмо, 2007.
8. *Леонтьев К.Н.* Письма к В.В. Розанову // Корольков А.А. Пророчества Константина Леонтьева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1991. 199 с.
9. *Леонтьев К.Н.* Племенная политика как орудие всемирной революции // Леонтьев К.Н. Избранное. М.: Рарог, Московский рабочий, 1993. 397 с.
10. *Леонтьев К.Н.* Черновой автограф статьи «Культурный идеал и племенная политика. Письма г-ну Астафьеву» // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. М.: Эксмо, 2007.
11. *Розанов В.В.* Мимолетное. 18.VI.1915 // Розанов В.В. Русская мысль. М.: Эксмо, Алгоритм, 2006. 576 с.
12. *Степун Ф.А.* Мысли о России. Очерк X // Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения. М.: Астрель, 2009. 807 с.
13. *Фудель И.* (прот). Судьба К.Н. Леонтьева // К.Н. Леонтьев: Pro et Contra. Т. 1. СПб.: РХГИ, 1995. 480 с.

Literatura

1. *Leont'ev K.N. Vizantizm i slavyanstvo // Leont'ev K.N. Vostok, Rossiya i Slavyanstvo. M.: E'ksmo, 2007. 892 s.*
2. *Leont'ev K.N. Gramotnost' i narodnost' // Leont'ev K.N. Vostok, Rossiya i Slavyanstvo. M.: E'ksmo, 2007.*
3. *Leont'ev K.N. Iz «Varshavskogo dnevnika» // Leont'ev K.N. Vostok, Rossiya i Slavyanstvo. M.: E'ksmo, 2007.*
4. *Leont'ev K.N. Iz pisem A.A. Aleksandrovu // ...Iz russoj dumy'. T. 1. M.: Roman-gazeta, 1995. 256 s.*
5. *Leont'ev K.N. Kul'turny'j ideal i plemennaya politika. Pis'ma g-nu Astaf'evu // Leont'ev K.N. Vostok, Rossiya i Slavyanstvo. M.: E'ksmo, 2007.*
6. *Leont'ev K.N. Nad mogiloj Pazuxina //...Iz russoj dumy'. T. 1. M.: Roman-gazeta, 1995. 256 s.*
7. *Leont'ev K.N. Panslavizm i greki // Leont'ev K.N. Vostok, Rossiya i Slavyanstvo. M.: E'ksmo, 2007.*
8. *Leont'ev K.N. Pis'ma k V.V. Rozanovu // Korol'kov A.A. Prorochestva Konstantina Leont'eva. SPb.: Izd-vo SPbGU, 1991. 199 s.*
9. *Leont'ev K.N. Plemennaya politika kak orudie vseмирnoj revolyucii // Leont'ev K.N. Izbrannoe. M.: Rarog, Moskovskij rabochij, 1993. 397 s.*
10. *Leont'ev K.N. Chernovoj avtograf stat'i «Kul'turny'j ideal i plemennaya politika. Pis'ma g-nu Astaf'evu» // Leont'ev K.N. Vostok, Rossiya i Slavyanstvo. M.: E'ksmo, 2007.*
11. *Rozanov V.V. Mimoletnoe. 18.VI.1915 // Rozanov V.V. Russkaya my'sl'. M.: E'ksmo, Algoritm, 2006. 576 s.*
12. *Stepun F.A. My'sli o Rossii. Ocherk X // Stepun F.A. Zhizn' i tvorcestvo. Izbranny'e sochineniya. M.: Astrel', 2009. 807 s.*
13. *Fudel' I. (prot). Sud'ba K.N. Leont'eva // K.N. Leont'ev: Pro et Contra. T. 1. SPb.: RXGI, 1995. 480 s.*

*A.M. Chernysh***K.N. Leontiev as a Theorist of National Russian Identity**

The article analyzes the views of prominent Russian thinker of the conservative direction of the second half of the XIX century K.N. Leontiev on the Russian people, its qualities and properties, relations of Russians with other nations.

Keywords: history of Russian philosophy; K.N. Leontiev; conservatism; Russian people; the nature of the Russian people; Russian culture.